

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

СОЦИО-КОММУНИКАЦИОННАЯ ГИБРИДНОСТЬ КАК СВОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Евстафьев Д. Г.

Кандидат политических наук, Профессор
Департамента интегрированных коммуникаций,
Факультет коммуникаций медиа и дизайна,
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (Москва, Россия)
devstafiev@hse.ru

Аннотация:

Развитие современных цифровых интегрированных коммуникаций, обладающих значительным потенциалом социальной интрузивности, формирует новые институциональные рамки взаимодействия между информационным обществом и пространством практического социального действия. А также между информационными и социальными процессами и институтами, их образующими. Правомерно говорить о новых не только формах, но и форматах социальной институционализации, развивающихся по модели социо-коммуникационной гибридности, становящейся формой проявления специфических социальных взаимосвязей, сформированных по принципу неразделяемости социального и коммуникационного пространства. Социо-коммуникационная гибридность становится одной из основных и весьма эффективных форм организации современного коммуникационного пространства и инструментом вовлечения, как отдельной личности, так и социальных групп различного масштаба, в социальные процессы.

Ключевые слова: интегрированные коммуникации, социальное действие, гибридное пространство, трансформация контекста, коммуникационное действие, вовлечение

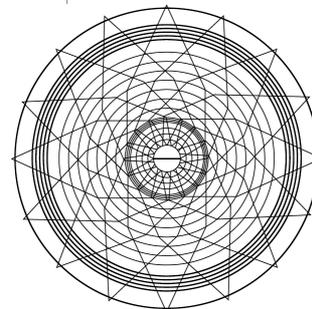
Введение

Трансформация современного информационного общества, развивающегося на базе технологий кастомизированных цифровых коммуникаций и в рамках модели социализированных интегрированных коммуникаций, ставит вопрос об истоках высокого уровня влияния коммуникационной среды на социальную. Особенностью современных интегрированных коммуникаций является более высокая степень социальной (индивидуальной и групповой) интрузивности, способность к устойчивому формированию долгосрочных не только коммуникационных, но и социальных

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

реальностей (пространств, сущностей/смыслов, устойчивых связей вариативного характера).

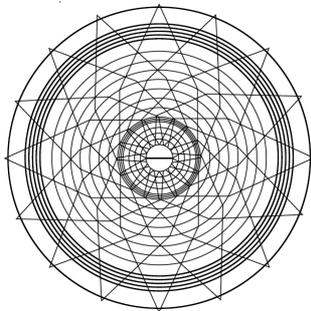
Процесс трансформации глобального информационного общества рассматривается как совокупность процессов, связанных с технологическим совершенствованием каналов коммуникаций и трансформации той среды, куда попадает и где распространяется информация (Fuchs, 2017). Во многом такой подход является продуктом доминирования интравертности в оценке пространства интегрированных коммуникаций, связанной с быстрым развитием соответствующих технологий и сменой поколений цифровых коммуникаций.

В России также отмечено появление социо-коммуникационных феноменов гибридного типа, но пока этот феномен связывается преимущественно с социально-политической активностью (Борисова, Манохин, 2016), хотя признаки социо-коммуникационной гибридности проявляются и в других сферах. На деле значение феномена социо-коммуникационной гибридности (СКГ) намного шире и в перспективе, по мере вхождения в активную социальную жизнь представителей поколений, активно освоивших мобильные версии цифровых интегрированных коммуникаций, этот феномен может стать одним из основных инструментов реструктуризации социального пространства и управления социальной атомизацией.

Уточнение понятий

Понятие «гибридность» в последнее время стало употребляться применительно к широкому кругу различных ситуаций, связанных с вооруженными конфликтами (Егорченков, Данюк, 2018). На практике «гибридность» отражает наличие такого операционного контекста, в котором неэффективно, а в ряде случаев, - просто невозможно, использовать только одну группу инструментов воздействия на важнейшие целевые аудитории (экономические, административные, информационные, социальные или силовые). «Гибридность» можно охарактеризовать как институционализированную социальную контекстность, способствующую возникновению неразделяемой диалектики контекста, контента (содержания) и инструментов изменения контекста.

Востребованность и термина «гибридность», и гибридных технологий политического и социального влияния как таковых, в современном обществе обуславливается кризисом, а в ряде случаев, - прямым распадом социальных структур и моделей, обеспечивавших социальное развитие в рамках относительно жестких социальных фреймов (включая и социально-потребительские), и экономических моделей. Флюидность фреймов и экономических моделей порождает нарастающую контекстность коммуникационных моделей.

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Термин «социо-коммуникационная гибридность», в свою очередь, отражает взаимопроникновение и взаимовлияние коммуникаций и социального пространства и формирование операционных пространств, в которых потенциал воздействия социального действия и коммуникации является, как минимум, сравнимым или равнозначным¹. Формирование феномена социо-коммуникационной гибридности отражает внутренние свойства конкретных социальных систем, а также их социо-конструктивистский потенциал, способность к изменчивости под воздействием внешних субъективных и объективных обстоятельств. Пространство СКГ должно рассматриваться как социальное состояние, которому свойственны определенные специфические черты, усиливаемые коммуникационными инструментами. Социо-коммуникационная гибридность может быть в первом приближении определена как:

Возникновение и устойчивое среднесрочное существование пространства, где невозможно функциональное разделение по степени значимости и влияния на процессы коммуникаций и социального действия, в пределах которого коммуникация частично приобретает функции инструмента социального содействия, как минимум в плане формирования социального контекста (операционного пространства)².

Социо-коммуникационная гибридность является одновременно и пространственным явлением, и процессом. Это создает диалектически развивающийся феномен с высокой степенью ситуативности проявления³. СКГ на начальных этапах развивается относительно стихийно, путем частичного выхода «процедуры» социального взаимодействия за рамки удаленного коммуникационного взаимодействия (развиртуализация) за счет существования в качестве предмета взаимодействия процессов или процедур, предусматривающих хотя бы минимальный объем очного социального взаимодействия или, как минимум, наличие такой потребности. В дальнейшем,

---

¹ Используя подход Талкота Парсонса (Парсонс, 2018: сс. 48-49), можно сказать, что коммуникация является теоретической абстракцией, неким обобщением на базе социального и коммуникационного опыта каждого конкретного человека, основанная на редуцировании смысла, но, тем не менее, соотносимая с эмпирическим опытом и кажущейся объективной реальностью. Гибридность позволяет поддерживать относительно высокий уровень социальной референтности для коммуникации, а также допускает разовую или эпизодическую апробацию ее смыслового содержания.

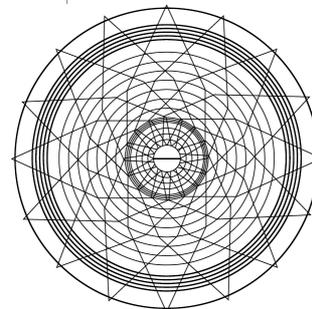
² Безусловно, данное определение является рабочим, но оно отражает базовые свойства социо-коммуникационной гибридности: ситуативность, методологическую неразделимость инструментов, социальную направленность. За пределами определения остаются такие аспекты, как множественность каналов влияния и высокий уровень групповой и индивидуальной интрузивности.

³ Что подтверждает гипотезу Николаса Лумана: «Система коммуникации существует лишь в момент ее оперирования, но для определения своих операций она использует медиум *смысл*, и благодаря этому обретает способность в каждой своей операции – исходя из самой себя – избирательно соотноситься с другими операциями и осуществлять это в горизонтах, в которых системе предстает мир, существующий одновременно с ней» (Луман, 2011: с. 75). Иными словами, чтобы стать полноценной, коммуникация должна выйти за пределы мира коммуникаций, эмансипироваться сама от себя и стать частью социального пространства или, как минимум, социально обусловленного дискурса.

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

по мере выстраивания внутренних системных связей в пространстве СГК, элемент осмысленности в развитии будет неизбежно нарастать, ибо появляется важнейший компонент дальнейшего развития – цель взаимодействия (коммуникационного или социального), осмысленная на групповом уровне.

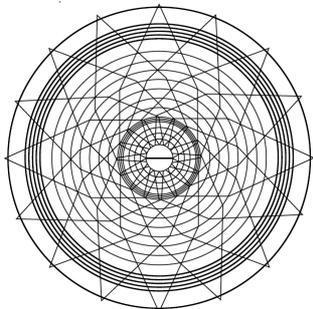
Точки формирования социо-коммуникационной гибридности

Вопрос проблематизации коммуникационной гибридности - это, во многом, вопрос о выявлении и формализации механизмов взаимовлияния, взаимной интеграции и взаимного отчуждения между глобализированным информационным пространством, специфическими информационными полями, в нем возникающими. А также присущими конкретному пространству инструментами обеспечения взаимодействия, включая, но не ограничиваясь, каналами коммуникаций, обеспечивающих связь информационных полей с пространством социальных процессов и социального действия.

Таким образом, вопрос о коммуникационной гибридности становится настолько же методологическим, насколько и операционным, и отражает качественную, количественную и локализационную (секторальную и пространственную) эволюцию точек соприкосновения информационного общества и пространства социальной деятельности. Особенностью этого процесса является его нелинейность, чередование под влиянием различных факторов расширения числа таких точек и их сокращения, а также изменения уровня интрузивности взаимодействия, причем не всегда в сторону увеличения.

Важнейшими точками соприкосновения современного информационного общества и пространства социальной действительности, где может возникнуть эффект социо-коммуникационной гибридности, являются:

- Экономика. Особенно с точки зрения управления производством, логистикой, кредитно-финансовой деятельностью и иными процессами, непосредственно связанными с производством и реализацией продуктов и услуг. Но здесь гибридность проявляется не столько на социальном, сколько на технологическом уровне, хотя и создает новые аспекты социальных отношений (автоматизация и алгоритмизация коммуникаций) и является базой для т.н. «нейрофикации человека», рассматриваемой как важнейшая парадигма развития в предлагаемой западным радикал-либеральным дискурсом парадигмы «Глобализация 2.0». Основой для реализации функций такой гибридности будут являться не социальные пространства, а технологии (Шваб, Дэвис 2018) и в таком случае гибридность будет носить технологически превращенный характер, но сохранять социальную природу.
- Маркетинг как инструмент управления ожиданиями потребителя, и порождаемые им интегрированные коммуникационные компании, включая рекламу. Они имеют непосредственной целью предсказуемое социальное действие (приобретение). Концепция «Интернета вещей», ставшая основой

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

для наиболее эффективных маркетинговых построений и перспективной социальной моделью для «нового потребительства» (Диамандис, Котлер, 2018: сс. 114 – 115), сама по себе является гибридным социо-коммуникационным пространством, ограниченным потребительскими возможностями, но не потребностями человека. Маркетинг по самой своей сути является пространством прямого соприкосновения коммуникаций и сферы социального действия, где реализуется потенциал накопленного и коммуникационно-формализованного социального опыта и конкретного человека, и тех социальных групп, с которыми он себя ассоциирует, т.е. реализуется феноменологическая сторона коммуникации. Но это происходит в пространстве формальных, а чаще – неформальных социо-культурных ограничений и на коммуникации, и на социальное действие⁴.

- Социальная институционализация. Деятельность социально-активных сообществ. Современное информационное общество дает возможность глубинной виртуализации социальной жизни, но в чистом виде виртуализированные сообщества редки и представляют собой пока еще социальную аномалию (Bennett, 1999). Классические социальные структуры все еще предполагают некоторые элементы девиртуализированного социального взаимодействия. Феномен формирования социо-коммуникационных институтов должен рассматриваться с позиций принципиальной возможности в будущем возникновения действенных социальных институтов⁵ с минимизированным компонентом девиртуализированной сопричастности. На данном уровне доминирующим аспектом, вероятно, следует считать социо-коммуникационную референтность, обеспечивающую встраивание коммуникационных парадигм в релевантные социо-культурные системы.

Модельным случаем проявления социо-коммуникационной гибридности в сфере социальной институционализации являются объединения футбольных болельщиков, в которых возникает динамический баланс коммуникационного и социального. И одновременно возникает важнейший для феномена СКГ фактор пространства реализации свойств: «стадион», по мере отдаления от которого синергия коммуникационного и социального ослабевает, выводя на первый план то одну, то другую сторону.

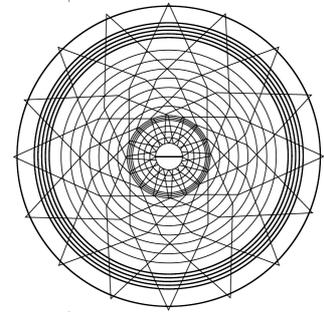
⁴ Наиболее очевидными подобными ограничениями становятся религиозные и этические ограничения, накладываемые на потребление и рекламную деятельность, но существуют и более скрытые, неочевидные социо-культурно мотивированные факторы.

⁵ Отметим замечание российских исследователей С.Л.Диманса и В.Ф.Левичевой: «Исторически сложилось, что символическое представление институционального порядка со всеми его статусно-ролевыми позициями наиболее наглядно закреплено в ритуализированных формах за политическими и религиозными институтами. Причем у некоторых ролей нет никаких иных функций, кроме символической презентации институционального порядка, как интегрированного целого» (Диманс, Левичева, 2018: с. 23).

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

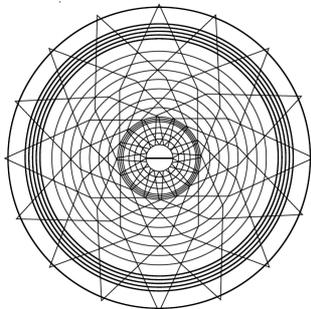
Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

- Политические коммуникации. Пока создать и длительное время поддерживать полностью виртуализированный политический процесс не удастся. Современная политическая коммуникация предполагает высокий уровень очности социального поведения как инструмента реализации политического фрейминга на базе реализации принципа свободы и плюралистичности коммуникаций (Лиллекер, 2010: сс. 116 – 118), хотя «очность» для реализации потенциала плюралистического гражданского общества уже не является обязательной (например, все большее распространение приобретает удаленное интернет-голосование). Проблема цифровизации и виртуализации демократии, внедрения в нее автоматизированных постчеловеческих алгоритмов является исключительно важной. Но пока политические коммуникации и сфера политического взаимодействия остается центральной и наиболее яркой сферой проявления СКГ.

Большинство известных относительно успешных кейсов социальной и социально-политической протестности последнего времени в той или иной степени развивались в рамках СКГ. Интересным, хотя и не полностью «модельным» примером этого является движение «желтых жилетов». В данном случае очень показательным, что при попытке перенести феномен в иную операционную среду (осуществить политическую институционализацию), то есть разрушить контекст, способствующий гибридности, феномен, фактически, распался, что и доказали плачевные результаты на выборах в Европарламент (использовавшая бренд «жилетов» партия «Желтый альянс» получила лишь 0,54% голосов избирателей во Франции).

- Кризисные ситуации, включая военно-силовые и политические конфликты. Гибридность не только силовые конфликты, но и кризисные ситуации политического и экономического свойства. В большой степени гибридность проявляется в корпоративных конфликтах и маркетинговых войнах. Состояние конфликта стирает грань между коммуникацией и практическим действием, с точки зрения воздействия на участников процесса/конфликта. Это связано с тем, что в состоянии конфликта коммуникация имеет близкие к социальному действию возможности изменения контекста. Показательно, что в ходе вооруженных конфликтов и военно-силовых кризисов осуществляются действия, направленные на сокращение точек взаимодействия информационного и военно-силового пространства. Смысл полноценного силового противоборства состоит в том, чтобы разорвать пространство гибридности и перевести ситуацию в состояние относительно линейного развития.
- Взаимодействие на персональном уровне, хотя в данном случае гибридность постепенно утрачивается в пользу виртуализации, как более простой в

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

операционном и социальном плане модели взаимодействия⁶. Гибридизация персональных коммуникаций с тенденцией к их виртуализации является специфическим проявлением социальной модели «мобильности» (Урри, 2012), предполагающей исключительную ситуативность очного взаимодействия/коммуникации за пределами «узких» групп. Социо-коммуникационная гибридность, возникающая на данном уровне, вероятно, должна быть отнесена к семиотическим аспектам коммуникации, начинающими превалировать над «риторической» составляющей, по мере замещения прямого общения знаковой, символической коммуникацией, зачастую с опорой на визуализацию.

Можно говорить и о возникновении флюидных точек соприкосновения информационного общества с пространством социальной деятельности. Это проявляется, например, в ходе формирования социально-активных сообществ или информационного воздействия в ходе военно-политических конфликтов. Такие точки соприкосновения двух пространств зависят от текущей доступности технологий и состояния конкретной социальной среды, что порождает такой феномен, как асимметрия воздействия на одни и те же базовые целевые аудитории.

Структура гибридного социо-коммуникационного пространства: сравнительный анализ

Одним из важнейших факторов, обуславливающих значимость социо-коммуникационной гибридности как и коммуникационного, и социального феномена, является структура формируемого на базе такой гибридности пространства, в корне меняющая диалектику взаимоотношений коммуникаций и социального воздействия.

Классическая модель взаимоотношений коммуникаций и социального пространства выглядит, как расширяющееся сочетание различных типов вовлеченности в типологически один и тот же социо-коммуникационный процесс, в котором различные категории участников выбирают различные степени вовлеченности, оставаясь в пределах коммуникационного ареала («ареала охвата»). Сам по себе, «ареал охвата» развивается линейно: на базе взаимосвязанных содержательно наполненных нарративов. Технологии интегрированных коммуникаций, однако, дают возможность более широкого, близкого к неограниченному содержательного «расширения» базового сюжета и аффилирования его с другими сюжетами. Аффилирование осуществляется за счет не только реально существующих неочевидных связей, но и связей

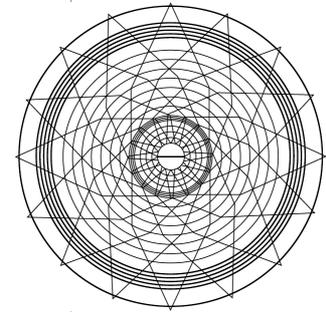
---

⁶ Что отчасти порождает флуктуации в языке, когда языковые и стилистические нормы, принятые в интернете, в удаленном оцифрованном персональном взаимодействии, переносятся в пространство взаимодействия очного (Гурьянова, 2015).

[Научные статьи]

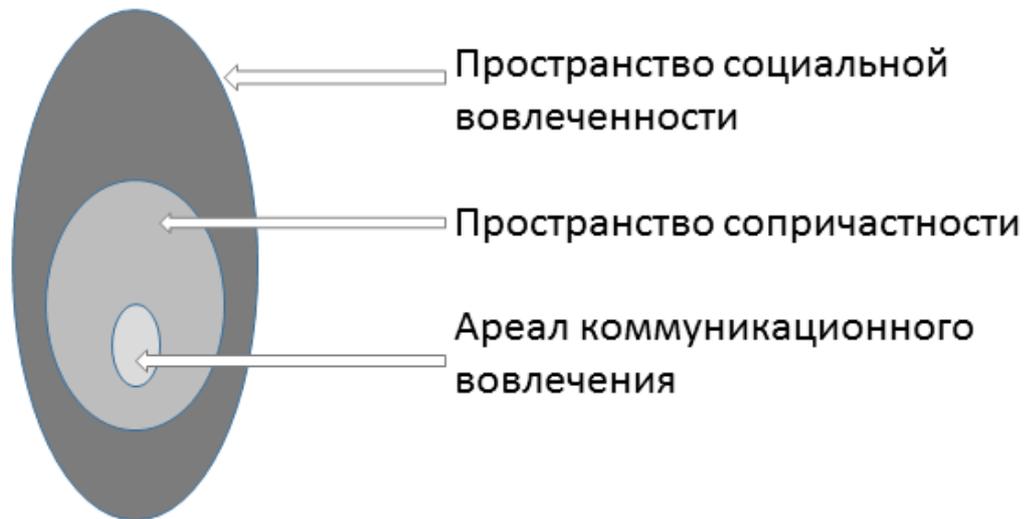
Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

фиктивных, получающих в современном информационном обществе потенциал среднесрочной устойчивости.

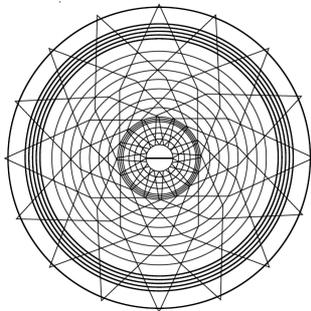
Структура классического социо-коммуникационного пространства, реализуемого, как правило, в пространстве доинтегрированных коммуникаций показана на Рисунке 1.

Рисунок 1. Классическая модель «коммуникационного расширения» социального действия

Масштабирование «охвата» достигается за счет сочетания различных коммуникационных и социальных пространств. В данном случае возникают три ограничения: во-первых, точки взаимодействия различных составных компонентов традиционного пространства определяются содержательно по мере расширения пределов коммуникационного дискурса. Что создает возможность возникновения противоречий именно на содержательном уровне и утраты содержательного «ядра» коммуникационного пространства за счет присоединения к нему содержательно инородных компонентов.

Во-вторых, соприкосновение и формирование синергий возможно только на симметричных уровнях вовлеченности/интрузивности. Пространство сопричастности может дополняться только содержательно схожим пространством сопричастности и естественным образом ограничивает масштабы пространства социальной вовлеченности. Оно не растет линейно по мере расширения совокупных ареалов охвата. Иными словами: даже при соприкосновении смежных по тематике дискурсов (например, сторонников

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

здорового образа жизни и веганов) количество индивидов, вовлеченных в деятельность социально активных структур, у сторонников ЗОЖ останется на примерно том же уровне или увеличится незначительно. Расти будет только охват дискурса, причем он, как уже говорилось выше, может начать терять свою целостность.

В-третьих, как правило, точки соприкосновения пространства коммуникаций и социального действия сохраняют индивидуальность для каждого пространства социальной вовлеченности, крайне редко «переходя» от одного социо-коммуникационного пространства к другому, что, как правило, происходит ситуативно и на разовой, а не системной основе. Это связано с оптимизацией точек соприкосновения с социальными потребностями и особенностями того или иного сообщества, группы, включая их особенности социального потребления.

Первичный вывод сводится к следующему:

Классическая модель формирования социо-коммуникационных институтов не обеспечивает или обеспечивает в недостаточной степени социальную интеграцию, призванную хотя бы отчасти компенсировать эффект социальной атомизации, превращающий относительно широкие социальные слои, в особенности население крупных мегаполисов, в социально слабоуправляемую массу. Особенно это проявляется при переходе значимых слоев от состояния коммуникационной вовлеченности к состоянию социальной вовлеченности, что связано с утратой ими технологических «продолжений», вполне работающих на незначительных уровнях вовлечения (Ратти, Клодел: 99 – 101).

Еще один главный вывод заключается в том, что в традиционном пространстве социо-коммуникационной гибридности доминирует «волновой» принцип распространения информации, почти исключая возможность взрывного развития социальной вовлеченности.

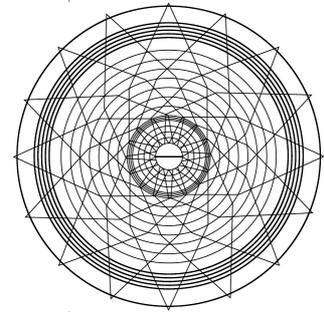
В пространстве интегрированных коммуникаций возникает принципиальная возможность не просто одноуровневой мультипликации потенциала охвата индивидуальных коммуникационных пространств, но также, с одной стороны, качественного их усложнения, возникновения более сложной внутрисистемной структуризации, а с другой, - формирования социально-объемных сложных пространств с множественностью точек взаимодействия между пространством коммуникаций и пространством социальной действительности (Aruguete, Calvo, 2018).

Также усложняется структура каждого отдельного социо-коммуникационного пространства, в котором выделяется некое «ядро», не просто вовлеченное в процессы социального действия, но нацеленное на формирование внутренних правил и регламентов поведения и коммуникации. Современная версия интегрированных коммуникаций характерна тем, что в ней, в основе своей, - сетевой структуры, начинают проявляться элементы иерархичности. И в наиболее яркой степени эти элементы иерархичности проявляются в гибридных социо-коммуникационных пространствах, активно

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

вовлеченных в социальные процессы. Это, вероятно, необходимо связывать с тем, что для современного социо-коммуникационного пространства определяющим критерием социальной состоятельности становится не охват, а управляемость дискурса и его трансформируемость в социальные результаты.

С другой стороны, расширяется потенциал взаимодействия с другими гибридными пространствами и присоединения к себе спутниковых коммуникационных пространств и структур, встроенных в пространство социального действия. Главными точками интегративности социо-коммуникационных пространств становятся не дискурсы, которые могут и не пересекаться, а пространство социального действия, - более того, даже в более узкой трактовке, - пространство формирования новых рамок контекста (пространство взаимодействия «активистов»).

Классическим примером этого является деятельность российской оппозиции, на уровне социального действия включающей в себя «активистов» и в целом группы, вовлеченные в пространство социального действия, дискурсы не просто противоречащие друг другу, но отрицающие друг друга. Это связано с тем, что все они нацелены на изменение социального «вмещающего» контекста, ставшего до известной степени общим для всех интегрированных в социо-коммуникационную систему сообществ.

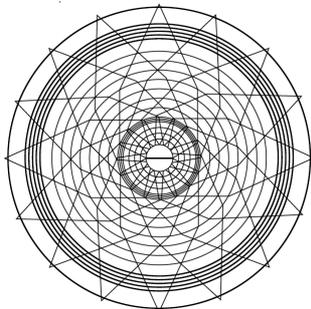
Формируется эффект разнородной интегративности, когда взаимодействие может вестись за пределами функционального «подобия», и в пространство коммуникационного охвата одних сообществ могут попадать группы или их компоненты, по своей природе сориентированные на пространство социального действия. Сохраняя свою функциональную природу, они начинают востребовать части нарративов «сопряженных» (коммуникационно-партнерских) систем, даже если те не являются им первично коммуникационно близкими.

Модельным примером востребованности сопряженных нарративов является возникновение синергичной востребованности темы экологии различными социальными силами с различными целями. Тема экологии становится содержательным фокусом для формирования ситуативной СКГ, хотя пространство развития в данном случае оказывается ограниченным.

В рамках такой гибридации является появление на системном уровне лево-правых внешне надидеологических движений, в которых единая направленная, а зачастую и прямая скоординированность социального действия соседствует с совершенным содержательным разнообразием и отсутствием даже попыток сформировать консолидированный дискурс.

Классическим примером такого движения являются «желтые жилеты» во Франции, а в несколько более дальней исторической перспективе – украинский «Майдан» и майданоподобные движения в постсоветской Евразии и в других странах мира (например, антивластное движение в Сербии).

Возникающий парадокс объясняется особенностями структуры той версии социо-коммуникационной гибридности, ставшей продуктом социализированных интегрированных коммуникаций на базе современных цифровых технологий,

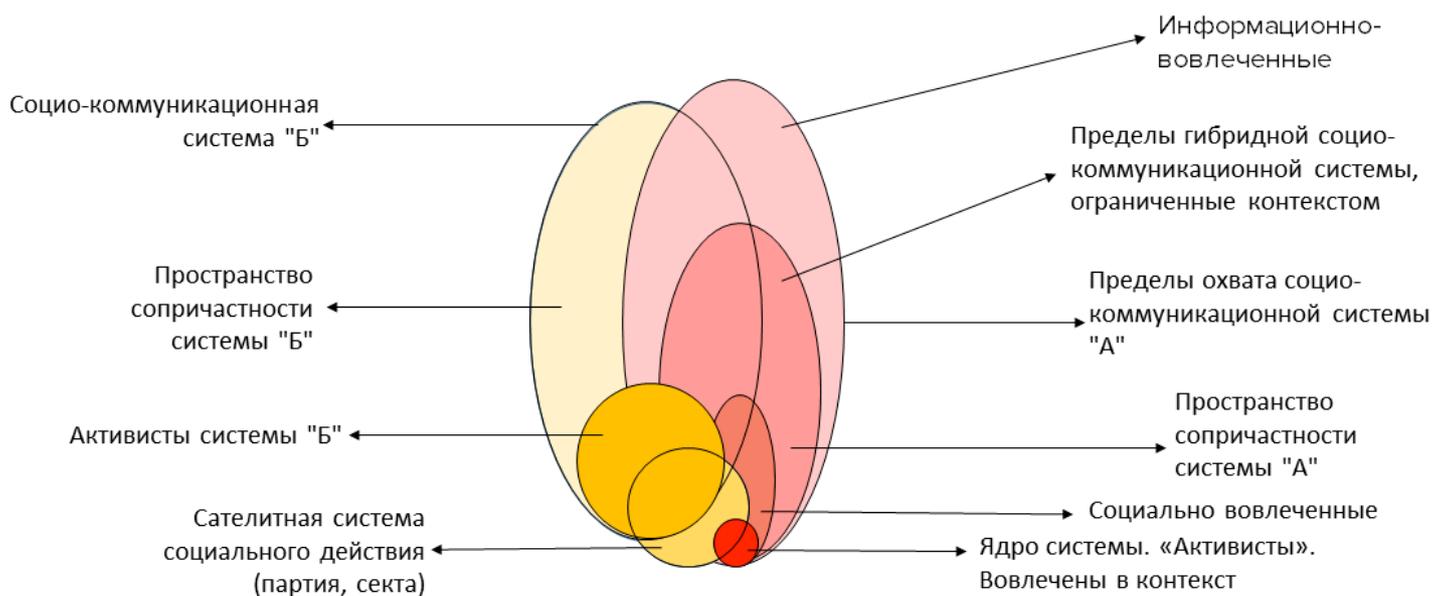
[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

позволяющих обеспечить, с одной стороны, высокую степень коммуникационной интрузивности, а значит, - и высокий социо-конструктивистский потенциал. А, с другой стороны, - высокую же степень кастомизации, потребительской индивидуализации коммуникаций индивидуальным потребителем.

Авторская модель сопряженных социо-коммуникационных пространств представлена на Рисунке 2. Основой этой модели является появление ограничителей социо-коммуникационной эффективности в виде контекста, ограничивающего возможности трансформации коммуникаций (как замкнутой по времени и пространству, индивидуальной коммуникации, так и как совокупного и продолженного во времени дискурса) в потенциально эффективное действие. Понятие социально эффективной социо-коммуникационной гибридности становится центральным и требует дополнительного рассмотрения ниже.

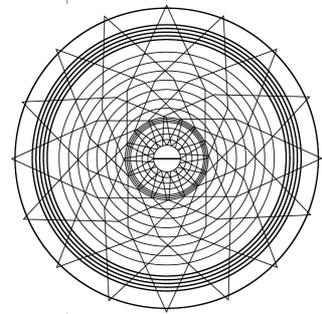
Рисунок 2. Феномен коммуникационного расширения ядра социального действия в условиях интегрированных коммуникаций

Важнейшим фактором, определяющим устойчивость модели СКГ, является прозрачность сопряженных пространств для каналов коммуникаций и коммуникационных инструментов. Несмотря на имеющиеся возможности введения ограничений, большинство специфических коммуникационных пространств, а особенно – коммуникационные пространства с элементами гибридности – действуют на базе стандартизированного, хотя и содержательно кастомизированного набора каналов коммуникаций. Ограничительная

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

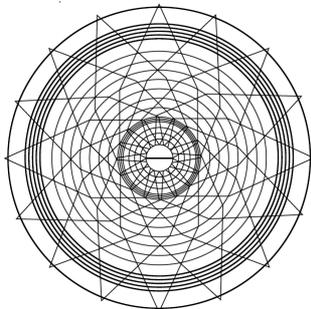
иерархичность присутствует, как правило, только в «ядре» системы, в пространстве взаимодействия «активистов», особенно если в конкретном социо-коммуникационном пространстве приняты хотя бы базовые элементы ритуализации. Но в целом индивид находится в «ареале коммуникационного охвата», зачастую даже не будучи вовлеченным в соответствующие смысловые нарративы, а лишь на технологическом уровне за счет формирования через алгоритмы социальных сетей соответствующего кастомизированного коммуникационного пространства.

Условиями, позволяющими осуществлять конверсию коммуникационного в социальное и обратно, что является основой принципа разнородной интегративности, являются:

- Относительная быстрота коммуникационных действий, возможность осуществления одновременных коммуникаций по различным содержательным и групповым направлениям.
- Близкие к неограниченным возможности коммуникационной мобильности, снятие ограничений на географию коммуникационного вовлечения при сохранении ограничений на вовлечение социальное. Дает возможность почти неограниченно дистанцированного управления процессами внутри пространства СКГ.
- Относительная открытость коммуникационной системы. Степень открытости социальной системы не является, как показывает практика, критическим фактором, ибо социо-коммуникационная гибридность способна порождать новые пространства социальной вовлеченности.
- Неограниченная реализация принципа многоличности, заложенного в современную трактовку социальных сетей, мультипликация форматов и форм участия в коммуникационных процессах.
- Реализация возможности одновременного присутствия в коммуникационном пространстве и пространстве социального действия, создающая возможность визуализации трансформаций в режиме реального времени.

Наиболее значимым выводом, вероятно, следует считать то, что главным фактором, ограничивающим пространство СКГ, является социальный контекст, отделяющий приемлемое социальное и коммуникационное поведение от неприемлемого, и интегрирует коммуникации (даже во варианте «коммуникационного действия») в существующие рамки («фреймы»), либо, частично эрозируя, создает новое пространство для развития феномена.

Констатируем, что возникновение феномена СКГ как объемного расширения вовлеченности возможно только в пространстве интегрированных коммуникаций, что вводит в социальные процессы и некоторые технологические ограничения. Полноценной частью пространств СКГ могут быть только индивид, включенный, причем активно включенный, в пространство интегрированных коммуникаций.

Понятие социально эффективной социо-коммуникационной гибридности

Определяющим в развитии социо-коммуникационной гибридности является способность участников соответствующего пространства оказывать фокусное воздействие на социальную среду с целью трансформации как ее внутренних структурных связей, так и пределов контекста, формируемого средой. Эта способность является продуктом коммуникационной и социальной синергии, имея три важных функциональных черты:

- Проявляется ситуативно, формируя ситуацию, сходную с реализацией в социо-философском плане перехода количественных изменений в качественные, носит взрывной характер.
- Зависит от существующего на момент формирования пространства гибридности контекста, является его продуктом и после его разрушения по тем или иным причинам утрачивает актуальность.

Динамика трансформаций в данном случае не вполне понятна, но точно не линейна. Выход за пределы условного «стадиона» для футбольных болельщиков означает если не разрушение феномена СКГ, то его значимый перекося в сторону социального действия или коммуникаций в зависимости от направления выхода. В то же время, в случае, когда мы имеем дело с социальной или социально-политической активностью, выход за пределы гибридного социо-коммуникационного пространства условного «митинга» не означает ни разрушения гибридности, ни каких-либо значимых перекося в структуре гибридности. Вероятно, это следует связать с различием в механизмах и стадиях вовлечения в пространство гибридности. Этот вопрос будет предметом исследования в дальнейшем.

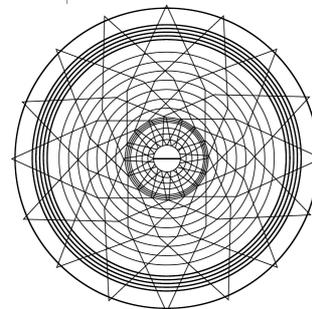
- Является одновременно объектом манипуляций и процессом, предельно трудно поддающимся управлению за пределами «коридорных» технологий управления. Трансформационный потенциал гибридности можно определять только ситуативно.

Возникает интересный феномен: вектор трансформаций социального пространства формируется преимущественно в пространстве коммуникационном за счет соответствующего управлением важнейшими векторами коммуникаций и распространения элементов дискурса в смежные коммуникационные и социальные пространства. Но проявляется он в пространстве социального действия, практически полностью лишая коммуникации самостоятельной значимости, подчиняя, хотя бы и временно, задачам социальных трансформаций, в крайнем случае, превращая коммуникации даже не в инструмент пропаганды, а в инструмент оперативного управления процессами. Главным инструментом трансформации контента становится не гибридность, а накопленная внутри пространства или искусственно туда принесенная энергия социальных изменений.

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Фактически, реализация потенциала СКГ означает ее, как минимум, временный распад, прекращение существования как интегрированной и внутренне целостной взаимодополняемой сущности.

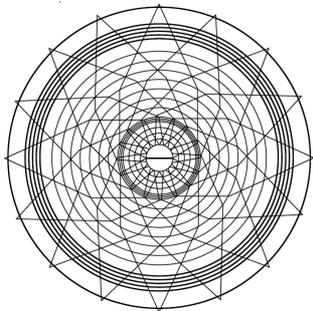
Представляется целесообразным ввести в оборот термин «предел эффективности» в отношении социо-коммуникационной гибридности, определяющий состояние, когда СКГ сохраняет статус и состояние интегрированной сущности, но оказывается способной к трансформации «вмещающего контекста», - системы существующих и формирующихся вокруг нее социальных и операционных связей. Иными словами, предел социальной эффективности СКГ и связанных с ней институтов почти тождественен управляемости.

Гипотеза, возникающая в связи с этим тезисом, сводится к тому, что главная политическая (но не социальная) ценность СКГ заключается в возможности, опираясь на этот институт, существенно расширить границы взаимодействия с конкурентом/оппонентом/противником в рамках существующего контекста, - в формате конкурентных моделей «с ненулевой суммой». С социальной точки зрения, СКГ оказываются эффективной моделью организации «торгов» с множественными участниками, имеющими частично сходящиеся экономические интересы. Главный и пока нерешенный вопрос, как показывает практика использования этой модели, - утрата управляемости в момент трансформации социального пространства и трудности восстановления управляемости после острой фазы кризиса. СКГ может разрушать контекст при определенных условиях, но для воссоздания социальных рамок после разрушения эти механизмы не пригодны.

Вместо заключения: выводы и постановка вопросов

Методологически развитие процессов в рамках социо-коммуникационной гибридности вполне лежит в русле подходов структурализма и постструктурализма, в особенности в том, что касается коммуникационных оснований развития современного общества. Если рассмотреть ситуацию с точки зрения роли бинарных оппозиций, мы сталкиваемся с существенным усложнением подхода к процессам трансформации коммуникаций в социальные императивы разной степени институционализации. Мы, безусловно, сталкиваемся с запросом на «новый структурализм», как отправной точкой для понимания и методологического основания социально-коммуникационной гибридности как основы социальных процессов в обществе неограниченной социальной мобильности и флюидности социальных отношений. Это является отдельным большим вопросом, ответ на который должен лежать в плоскости долгосрочной референтности социо-коммуникационных процессов.

Выводами из проделанного исследования являются несколько предварительных констатаций, содержащих в себе вопросы для дальнейшего изучения проблемы:

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Первое. Встает вопрос о соотношении значимости различных институтов социальной консолидации общества: «больших», «малых» и «средних» социальных групп в определении частного социального поведения индивида, вовлеченного в коммуникационное пространство⁷. Новая система асимметричной качественной вовлеченности ставит вопрос о выявлении механизмов взаимодействия и взаимовлияния этих групп в процессе формирования коммуникационной повседневности человека (Пентленд, 2018: сс. 81-84).

Второе. Важнейшим компонентом дальнейших исследований является выявление степени и механизмов соотносимости новой социо-коммуникационной гибридности и коммуникационных парадигм Крейга (Craig, 1999), безусловно, сохраняющих свою базовую актуальность, но нуждающихся в методологической уточнении, особенно в том, что касается рефлексии в коммуникациях индивидуального и группового социального опыта, а также изменений, которые различные парадигмы коммуникационной модели Крейга претерпевают, будучи включенными в пространство СКГ.

Третье. Доминирующим фактором аффилированности в рамках современного понимания социо-коммуникационной гибридности становится вопрос технологической доступности пространства. Это будет означать существование постоянных и выраженных факторов в пользу постоянного понижения технологического «порога социальной вовлеченности» и его зеркального отображения в рамках гибридных пространств – «порога коммуникационной доступности».

Четвертое. В условиях доминирования интегрированных коммуникаций повышается важность нерационального, транс-эмоционального компонента для принятия решений, в том числе, и о повышении степени своей социальной интеграции в соответствующее пространство.⁸ В формате процессов «больших цифр» синергичный эмоциональный элемент может сыграть существенную системообразующую роль. Это, однако, означает существование у

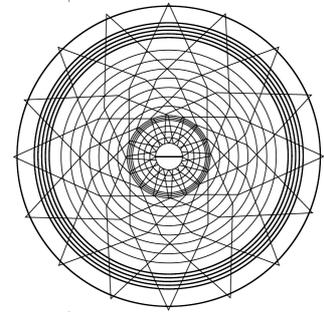
⁷ Равно как встает вопрос о структурной организации важнейших коммуникационных систем и моделей, трансформирующихся в пространстве интегрированных коммуникаций, например, такого феномена, как «глобальная деревня», конечно, не являющаяся сама по себе в полной мере пространством социо-коммуникационной гибридности, во всяком случае, в первоначальных трактовках, хотя элементы сращивания социального пространства и коммуникационного в данной модели, безусловно, присутствуют (Маклюэн, Фиоре 2012). Глобальная деревня, помещенная в пространство интегрированных коммуникаций и соответствующих моделей потребления, однако, создает большой простор для развития, как минимум, отдельных аспектов СКГ.

⁸ Конверсия коммуникационного в социальное может быть рассмотрена, в том числе, в рамках дискурса о конверсии «мертвого» в «живое» в фантастических, вернее, - фантазийных текстах, о чем говорит Ренате Лахман (Лахман, 2009, с.73). Во всяком случае, отрицать наличие в этом процессе некоего нематематизированного компонента, связанного с институционализацией и формализацией в практическом поведении моментального порой ощущения сопричастности и социальной близости, порожденного именно коммуникациями.

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

современного информационного общества «предела математизации» и алгоритмизации.

Пятое. Нарастание значимости контекста как системообразующего фактора социо-коммуникационной гибридности означает существенное повышение локальных и локализованных факторов в определении динамики развития феномена. Современная социо-коммуникационная гибридность является в современных интегрированных коммуникациях явлением нарастающе локализованным, причем как на макроуровне, так и на микроуровне. Но и в данном случае возникает принципиальный вопрос о приоритете контекста того или иного уровня⁹.

Шестое. Трансформация пространства СКГ в рамках диалектики внутреннего и внешнего дискурса и контекста означает изменение механизмов взаимовлияния и, естественно, «веса» внутренних и внешних системных связей, причем внутренние системные связи оказываются более устойчивыми, нежели внешние, и могут создать ситуацию «институционального замещения». Принципиальным вопросом становится, насколько эти связи будут превалирующе коммуникационными или социальными, что будет составлять ядро публичной репрезентации социо-коммуникационного пространства (Ван Дейк, 2013) по мере его развития в соответствующем контексте.

Поставленные вопросы требуют междисциплинарного анализа, подчеркивая методологически комплексный характер коммуникативистики как науки и необходимости дальнейшего развития фундаментальных исследований нового социального феномена.

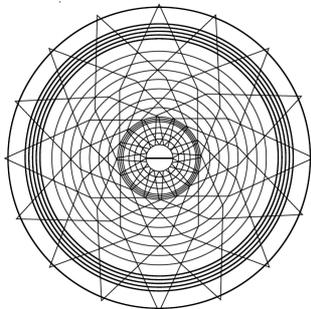
БИБЛИОГРАФИЯ

Борисова Е. Г., Манохин И. В. Феномен «Болотной площади» как свидетельство формирования нового социально-политического типа в России// Вестник Московского государственного лингвистического университета, Выпуск 3 (742), 2016, сс. 129 - 144

Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013, 337 с.

---

⁹ Если говорить о приложении рассматриваемой модели к ситуации «русской весны» в Крыму и на Востоке Украины, то очевидны существенные различия. В Крыму был более важен местный, локализованный контекст, проявлявшийся в доминировании в социокультурной и социо-коммуникационной сфере институтов, механизмов и стереотипов, отличных от соответствующих «украинских» пространств, более того, построенных на эмансипации от коммуникационного и социального пространства Украины. На Востоке Украины социо-коммуникационный контекст, а значит, - и соответствующие гибридные институты были гораздо более жестко и глубоко встроены в социо-коммуникационные системы и парадигмы Украины, хотя бы и восточной ее части.

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Гурьянова А.С. Новояз интернет-среды: к проблеме исследования //Филология и литературоведение, №9 (48), 2015. Электронный ресурс. URL:<http://philology.snauka.ru/2015/09/1696>

Диамандис П., Котлер С., Изобилие: Будущее будет лучше, чем вы думаете. Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2018, 608 с. Сс.114-115

Диманс С.Л., Левичева В.Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. – Москва: Ключ-С., 2018 – 304 с.

Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. №1, 2018, январь-февраль, сс. 26-48.

Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. Пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017, 248 с.

Лахманн Р. Дискурсы фантастического. Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2009, 384 с.

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Пер. с англ. – Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2010, с. 244

Луман Н. Общество общества. Кн. 1, Общество как социальная система. Пер. С немецкого. – М.: Издательство «Логос», 2011, 640 с.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. Пер. с англ. – М.: АСТ, Астрель, 2012, 219,[5] с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2018, - 435 с. (Теория обществ).

Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. Пер. с англ. – Москва: Издательство АСТ, 2018, 351, [1] с.

Урри Дж. Мобильности. Пер. с англ., вступительная статья Н. А. Харламова. – М.: Издательство и консалтинговая группа «Праксис», 2012, 578 с.

Шваб К., Дэвис Н., Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. – Москва: ЭКСМО, 2018, 320 с.

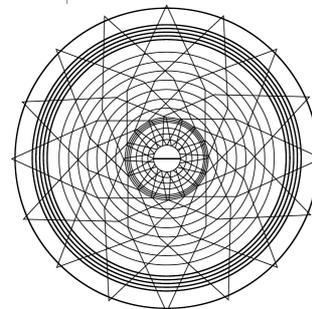
Aruguete N., Calvo E. Time to Protest: Selective Exposure, Cascading Activation, and Framing in Social Media Journal of Communication, Volume 68, Issue 3, June 2018, Pages 480–502. <https://doi.org/10.1093/joc/jqy007>

Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste // Sociology. 1999, 33(3), P. 599–617. <https://doi.org/10.1177/S0038038599000371>
URL:<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/S0038038599000371>

[Научные статьи]

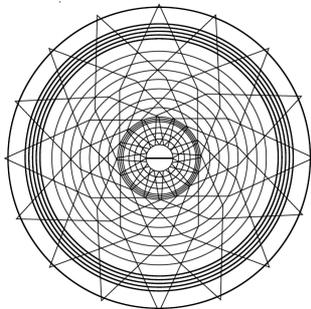
Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Craig R.T. Communication Theory as a Field// Communication Theory, 9, May 1999, pp.119-161

Fuchs Ch. From Digital Positivism And Administrative Big Data Analytics Towards Critical Digital And Social Media Research// European journal of communications. First published January 6, 2017. Цитируется по электронному ресурсу.
[URL:https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0267323116682804](https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0267323116682804)

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Socio-Communication Hybridity as the Phenomenon of the Contemporary Information Society

Evstafiev D.

Candidate of sciences in Politics, Professor, Department of integrated communications, Faculty of Communications, media and design, National research University – Higher School of Economics (Moscow, Russia)

devstafiev@yandex.ru

Abstract:

The development of the modern digital integrated communications that possess the significant potential of social intrusiveness forms a new institutional framework of the interaction between the information society and the social action sphere as well as a new type of links between information and social processes. It is relevant to discuss not only new forms but rather new formats of social institutionalization that develop along the lines of the model of socio-communicational hybridity that is a specific form of manifestation of the specific social networks that have been formed under the conditions of the indivisibility of the social and communicational spaces. Socio-communicational hybridity becomes one of the major and quite effective forms of the organization of the contemporary communicational environment and one of the instruments of the involvement of the individuals as well as different social groups in social processes.

Keywords: integrated communications, social action, hybrid environment, social context transformation, communication action, social involvement

REFERENCES

Borisova Ye. G., Manokhin I. V. Fenomen «Bolotnoy ploshchadi» kak svidetel'stvo formirovaniya novogo sotsial'no-politicheskogo tipa v Rossii// Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Vypusk 3 (742), 2016, ss. 129 - 144

Van Deyk T. Diskurs i vlast'. Representatsiya v yazyke i kommunikatsii. Per. s angl. – M.: Knizhnyy dom «Librokom», 2013, 337 s.

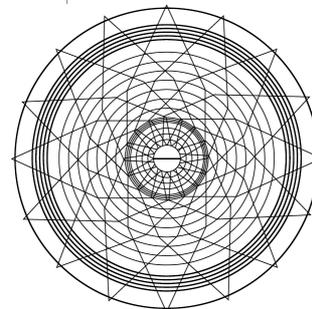
Gur'yanova A.S. Novoyaz internet-sredy: k probleme issledovaniya//Filologiya i literaturovedeniye, N9 (48), 2015. Elektronnyy resurs.

URL:<http://philology.snauka.ru/2015/09/1696>

[Научные статьи]

Евстафьев Д. Г.

Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества

Diamandis P., Kotler S., Izobiliye: Budushcheye budet luchshe, chem vy dumayete. Per. s angl. – M.: Izdatel'stvo AST, 2018, 608 s. Ss.114-115

Dimans S.L., Levicheva V.F. Lyudi i normy: instituty VS neformal'nyye praktiki. – Moskva: Klyuch-S., 2018 – 304 s.

6. Yegorchenkov D.A., Danyuk N.S. Teoretiko-ideologicheskiye podkhody k issledovaniyu fenomena «gibridnykh voyn» i «gibridnykh ugroz»: vzglyad iz Rossii// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. N 1, 2018, yanvar'-fevral', ss. 26-48.

Ratti K., Klodel M. Gorod zavtrashnego dnya. Sensory, seti, hakery i budushchee gorodskoj zhizni. Per. s angl. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017, 248 s.

Lakhmann R. Diskursy fantasticheskogo. Per. s nem. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009, 384 s.

Lilleker D. Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevyye kontsepty. Per. s angl. – Khar'kov: Izdatel'stvo «Gumanitarnyy tsentr», 2010, s. 244

Luman N. Obshchestvo obshchestva. Kn. 1, Obshchestvo kak sotsial'naya sistema. Per. S nemetskogo. – M.: Izdatel'stvo «Logos», 2011, 640 s.

Maklyuen M., Fiore K. Voyna i mir v global'noy derevne. Per. s angl. – M.: AST, Astrel', 2012, 219,[5] s.

Parsons T. O strukture sotsial'nogo deystviya. Per. s angl. – M.: Akademicheskii proyekt, 2018, - 435 s. (Teoriya obshchestv).

12. Pentlend A. Sotsial'naya fizika. Kak rasprostranyayutsya khoroshiye idei: uroki novoy nauki. Per. s angl. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018, 351, [1] s.

Urri Dzh. Mobil'nosti. Per. s angl., vstupitel'naya stat'ya N. A. Kharlamova. – M.: Izdatel'stvo i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012, 578 s.

Shvab K., Devis N., Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii. Per. s angl. – Moskva: EKSMO, 2018, 320 s.

Aruguete N., Calvo E. Time to Protest: Selective Exposure, Cascading Activation, and Framing in Social Media// Journal of Communication, Volume 68, Issue 3, June 2018, Pages 480–502, <https://doi.org/10.1093/joc/jqy007>

Bennett A. Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste // Sociology. – 1999. – 33(3), P. 599–617. <https://doi.org/10.1177/S0038038599000371>.
URL:<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/S0038038599000371>.

Craig R.T. Communication Theory as a Field// Communication Theory, 9, May 1999, pp.119-161

Fuchs Ch. From Digital Positivism And Administrative Big Data Analytics Towards Critical Digital And Social Media Research!// European journal of communications. First published January 6, 2017. URL:<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0267323116682804>